

3. АРСС – Англо-русский синонимический словарь. Под рук. А.И. Розенмана и докт. филол.наук Ю.Д. Апресяна. М.: Рус.язык, 1988

4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т 1-4. –М.: Рус. язык, 1989.

В статье рассматривается категория вежливости и

формулы приветствия в казахском, русском и английском языках.

This article is devoted to the studying of the category of politeness and greeting forms in the Kazakh, Russian and English languages.

Д. С. Шантаева

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «КНЯЗЬ»: КОДЕКС ЧЕСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО КНЯЗЯ

Антропоцентрическая парадигма является одной из ведущих в лингвистике XXI века. В рамках данной парадигмы активно развиваются такие направления языкознания как лингвокультурология, лингвоконцептология и теория языковой личности (лингвоперсонология).

Достижения лингвоконцептологии и лингвоперсонологии послужили основой для выделения особого вида концепта и становления нового направления в лингвистике – теории лингвокультурных типажей.

Лингвокультурный типаж пресекается с понятием языковой личности. Лингвокультурные типажы, в широком смысле, узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых составляет культуру того или иного общества [1, с.179]. Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств [2, с.38].

Если исследовать языковую личность как типизированного представителя определенной культуры, то она становится лингвокультурным типажом. Т.е. лингвокультурный типаж, более узкое понятие, и оно является инструментом для изучения языковой личности.

Лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта. Это концепт, содержанием которого является типизируемая личность. Соответственно, можно выделить образную, понятийную и ценностную сторону концепта «лингвокультурный типаж N» [1, с.180].

Понятийная составляющая типажа может быть выявлена с помощью анализа словарных дефиниций, позволяющих установить конститутивные признаки понятия. Образные и ценностные доминанты типажа актуализированы в

языке в виде апеллирующих к нему языковых единиц и могут быть выявлены с помощью интерпретативного анализа прецедентных и креолизованных текстов, текстов произведений художественной литературы и дискурса СМИ, а также анкет респондентов.

Лингвокультурное моделирование типажа «князя» представляется интересным по следующим причинам. Во-первых, как уже было сказано, теория лингвокультурных типажей одно из новых направлений лингвистики XX века и лингвокультурным типажам древней эпохи пока уделено мало внимания. Во-вторых, описание этого типажа важно для понимания культурных доминант того времени; в-третьих, этот типаж является ключом к пониманию основ древнерусского характера.

Лингвокультурный типаж древнерусской эпохи представляют собой особый феномен, поскольку они моделируются в текстах древнерусской литературы в соответствии с литературным этикетом. Понятие о литературном этикете Древней Руси разработано в исследованиях Д.С. Лихачева. Он отмечает, в частности, что литературный этикет «слагается»: 1) из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; 2) из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; 3) из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Пред нами следовательно этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный [3, с.108]. Из этого утверждения следует, что в древнерусской литературе авторы описывали, создавали прецедентные ситуации (эталонные), в которых изображали типичное поведение героев. Создаваемые прецедентные ситуации являются инструментом для воссоздания модели лингвокультурных

типажей древней эпохи, поскольку в них прослеживаются типичные поведенческие реакции, раскрывающие лингвокультурный типаж.

Приведем словарные дефиниции, определяющие имена рассматриваемого типажа в толковых и энциклопедических словарях русского языка.

Князь, 1. В феодальной Руси: предводитель войска и правитель области. 2. Наследственный титул потомков таких лиц или лиц, получавших его при царизме в награду, а также лицо, имеющее этот титул [4, с.279].

Князь, начальник, властелин; владетель области, княжества; почетное звание некоторых дворянских родов, от владетельных князей, или жалованных почетно. Князья величаются сиятельством, а иные, в том числе владетельные германские князья, светлостью. Князь мира сею, князь бесовский, сатана. Русские князья частью потомки бывших владетельных князей, частью признаны в этом звании из татарских мурз и ханов, или жалованы государями. Народ местами доньше, то шутя, то почетно, всякого татарина клячеть князем. Князь, у тебя навозные вилы с воду свалились! Князь кормленщик, на кормлении. новг., пск., стар. взятый на службу, на жалованье, в войско, не для управы. Великий князь, встарь, повелевал удельными, как государь; ныне это сан всех вообще членов императорского дома, принц [5, с.125-126].

Князь, 1. Вождь племени или союза племен у восточных славян, правитель государства или государственного образования, удельного княжества. 2. Почетный наследственный дворянский титул; с XVIII в. жаловался императором за особые заслуги [6].

Князь, властелин, владетель области, княжества, первоначально племенной вождь. В России до XVIII в. звание князя было только родовым и могло достаться только по наследству. Функции древнерусского князя, в общем, заключались в следующем: князь является законодателем, об этом свидетельствуют заглавия некоторых статей Русской Правды, далее князь является предводителем на войне и защитником области и это одна из главных обязанностей князя; для защиты страны князь располагает дружиной, находящейся в его личном распоряжении, и народным ополчением, которое идет в поход по решению веча; наконец, князь является судьей и администратором, князь судит или сам, или через доверенных лиц. За исполнение своих обязанностей князь получает вознаграждение в виде дани, доходов с суда и торговых пошлин. Князья имели также частную земельную собственность – села; в пользу князя идет и военная

добыча. На свои средства князь содержит дружину [7].

Анализ приведенных словарных и энциклопедических статей дает возможность выделить слова, выражающие этот концепт: 1) человек, 2) владеет княжеством, областью, 3) наследственный, дворянский титул, 4) собирает дань, 5) законодатель, 6) верный своим обязательствам перед дружиной, 7) защитник княжества.

Князь – это человек, управляющий определенной территорией (город, область). Право управления переходило по наследству от великих пращуров. Защита своей территории – это одна из основных обязанностей князя. Князья постоянно были в походах, всегда сами непосредственно принимали участие в бою, выполняя функции главнокомандующего. Жил князь за счет дани, которую собирал с завоеванных им народов. Князь не мог вести свои дела в одиночку, ему помогала дружина. В вопросах, касающихся управлением государством, войском, князь всегда советовался с дружиной.

Князь владел определенной территорией (область, город): и сѣде Олегъ въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ руським» [8, с.33].

Русский князь – это древнейший титул русских государей, который передавался по наследству. В «Повести временных лет» Игорь, придя к горам киевским и застав там Аскольда и Дира, обратился к ним со следующей речью: ...и рече Олегъ Аскольду и Диروی: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ» [8, с.33]. Главный довод Олега в пользу того, что Аскольд и Дир не могут править Киевом в том, что они не «рода княжьего».

В данном предложении Святополкъ же бѣжа в Ляхы, Ярославъ же сѣде на столѣ отъни и дѣдни [8, с.74] констатируется факт наследия престола от отца и дяди князем Ярославом.

Князь жил за счет дани, которой облагал завоеванные народы: И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ... И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. Сей же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти... [8, с.33]; Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ боляре, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к той дани» [8, с.40].

Поскольку князь был главным владельцем и правителем, то он параллельно выполнял и роль законодателя. Примером служат договоры рус-

ских князей с греками: Азь Святославъ, князь русский, якоже кляхся, и утверждаю на свѣщаньѣ семь роту свою: хочю имѣти мирь и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всѣми людьми вашими иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. ...Якоже кляхся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая свѣщанья [8, с.51]. Князь Святослав подкрепляет важный межгосударственный договор о мире своей клятвой, при этом он выступает от имени всего государства, его слово является гарантом выполнения важных условий договора. По сути, князь выступает законом.

Князь постоянно находился в походах, завоевывая новые территории. В походах его сопровождала дружина, отношения с ней были теплые и доверительные. Князь был верен дружине, а дружина – ему. Прежде чем сделать какой-либо серьезный шаг князь всегда советовался с дружиной, если они ему давали совет, то он всегда прислушивался к нему. Игорь же, дошед до Дуная, созва дружину и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву. Реша же дружина Игорева: «Да аще сице глаголетъ царь, то что хочемъ более того: не бившееся имати злато, и серебро, и паволоки?»...Послуша ихъ Игорь, и повѣле... [8, с.40]. Маленький отрывок диалога из «Повести временных лет» показывает отношения князя к дружине: при решении важных вопросов он созывал дружину, они совместно обсуждали проблемы, князь принимал решение исходя из их совета.

По мысли Д.С. Лихачева, древнерусская литература подчинялась определенному этикету (миропорядку). Этикет предполагал изображение типичных ситуаций, типичного поведения героев летописей. Одной из таких типичных ситуаций была битва, перед ее началом князь обязательно произносил речь, которая поднимает воинственный дух дружины: И видѣвъ Святославъ множество ихъ [половцев], и рече дружинѣ своей: «Потягнѣмъ, уже нам не лзѣт камо ся дѣти». И удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; <...>И возвратишася с побѣдою в градъ свой Святославъ [8, с.85]; Видѣвъ же русь убояшася зѣло множества вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣ камо ся дѣти, волею и неволею стати против; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костью, мертвыми бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убежати, но станемъ крѣпко, азъ же

предъ вами пойду» [8, с.49]. В данных двух ситуациях, князь призывает воинов бороться до конца, с честью покинуть поле боя, не опозорив себя и Русь. Князь выступает главным защитником Родины, предводителем войска.

Князь как мужчина, правитель, военачальник, имел кодекс чести. Оскорбление княжеской особы не должно было сойти с рук оскорбителю. Доказательством существования негласного кодекса чести служат истории о мщении Ольги древлянам за смерть мужа своего князя Игоря. Три раза она им мстила: закопала заживо, порубила их, неожиданно напав, сожгла их дома.

Примером отмщения за поражения служит история о том, как Игорь, после того как вернулся из Греции с поражением, при этом греки на обратном пути сожгли русские лодки, вновь стал собирать дружину, чтобы отомстить за себя: Игорь же, совокупивъ вои многи – варяги, русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги наа и тали у нихъ поя, поиде на Греки в лодьяхъ на конихъ, хотя мстити себе [8, с.40].

Еще один пример мести – это история о том, как Владимир просил руки дочери полоцкого князя Рогволода и, получив отказ в грубой форме, отправился отстаивать честь:

И посла [князь Володимиръ] ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ». Он же рече дщери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Яроплка хочю». ... И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя полотъскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотячу Рогънѣдъ вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ [8, с.52-53].

Владимир просит руки княжѣй дочери, но она дает отказ, при этом называет его сыном рабыни, подчеркивая его недостойное происхождение. Таким образом, она оскорбила Владимира как мужчину отказом на предложение руки и сердца, оскорбила его как князя, указав на недостойное происхождение. Князь Владимир не мог промолчать после такого посягательства на его честь. Стремительно собрав войска, он отомстил кровью за оскорбление. Итак, из истории о мести можно сделать вывод, что посягательство на честь княжеской особы не проходила бесследно для обидчика. Для русского князя было делом чести – наказать обид-

чика. Возможно, с этим связано отсутствие отрицательных характеристик деятельности князя, его образа жизни.

Лингвокультурный типаж «князь» представляет собой узнаваемый тип древней эпохи. По словам О.А. Дмитриевой, для русской лингвокультуры приоритетным является образ героя, воплощенный в типажах, имеющий отношение к защите Отечества, одним из таких типажей является князь [9, с.5]. Возможно, это является причиной наличия только положительных черт данного лингвокультурного типажа.

1. Карасик В.И. Языковые ключи. – М., Гнозис, 2009. – 406 с.

2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

3. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1971. – 303 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005. – 944 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999. – Т.2: И – О. – 779 с.

6. Энциклопедия «Отечество» // Электронная версия // http://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/3553/КНЯЗЬ

7. Энциклопедия «Русская цивилизация» // Электронная версия // http://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/3553/КНЯЗЬ.

8. Повесть временных лет // Повести древней Руси XI-XII века. – Л.: Лениздат, 1983. – С.24-123

9. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: Автореф. дис. док. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 40 с.

А. Т. Шарапиденова

ТАКСИС КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Термин таксис (от греческого слова «построение, порядок, расположение») в лингвистике появился сравнительно недавно, хотя семантика таксиса, так или иначе, затрагивалась в различных аспектологических исследованиях давно. Сам термин таксис был введен Р.Якобсоном в его статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (1957 г.) Суть этого термина в его трактовке сводится к следующей формулировке: «Таксис характеризует сообщение факта по отношению к другому факту». О таксисе как о хронологическом соотношении действий как «одновременность – предшествование – следование» говорил и Ю.С.Маслов (1983)г. Наиболее полно и последовательно таксис исследован в книге А.В.Бондарко «Теория функциональной грамматики: Аспектуальность, Временная локализованность. Таксис» (2001 г.) Аспектология из Санкт-Петербурга рассматривают таксис в качестве функционально-семантической категории, основывающейся на взаимодействии семантических элементов разных уровней: морфологического, лексико-грамматического, а также синтаксического уровня.

Сегодня имеются работы, в которых таксис описывается как на материале одного языка, так и в сопоставительном и типологическом плане. В сферу сопоставительного и типологического исследования таксиса вовлекаются в основном материалы романских, германских и других

европейских языков. Но в последние годы определенный интерес проявляется в дагестанских языках (К.Р.Керимов) Очевидно, функционально-семантический характер таксиса имеет универсальный характер, что делает возможным сопоставительное и типологическое исследование форм выражения таксиса в языках самого различного строя, в том числе таких, как русский и тюркские языки.

Многолетний опыт сопоставительного исследования одного из маркированных способов действия аспектуальности - начинательности (или же «ингрессивности в общелингвистическом плане) русского и казахского языков позволяет нам выявить определенную общность в выражении функционально-семантической сути таксиса.

Как известно, казахский язык, как и все тюркские языки, характеризуется разложением (детализацией) характера протекания действия. Цепочные конструкции типа «деепричастие + вспомогательный глагол» представляет собой общетюркский тип выражения характера протекания действия. Деепричастие называет основное действие, процесс, явление, а вспомогательный глаголы как бы раскладывают их протекание, и, оформляясь в определенной личной форме, завершают предикацию. Поскольку деепричастие самостоятельно не может осуществить предикацию, то появление вспомогательных глаголов